

Мистическая поэзия. Juan de la CRUZ

1

Во все времена человек искал и ищет *Реальность*: то, что *подлинно* есть. Это искание, это томление очень остро ощущается и в наше время, хотя, может быть, не всегда оно осознано. С большой силой переживается в наши дни — и это теперь, пожалуй, более распространено, чем прежде — ужас перед ничтожеством, перед беспрестанной, безвозвратной утратой всего, что мы имеем. И мы становимся поэтому иногда чутки к голосам, говорящим о Другом — о Несказанном, о том, что пребывает «Говорящим и Несказанным» — какой парадокс! В этой парадоксальности — великая сила притяжения мистических писаний; в этом как раз — огромная захватывающая сила и мистических творений, главным образом мистической поэзии Иоанна Святого Креста (Juan de la Cruz)¹, монаха-кармелита, мистика и поэта XVI века (1542–1591), одного из величайших поэтов и мистиков Испании. Можно даже, не колеблясь, сказать, что это один из величайших мистических писателей и поэтов всех времен.

Сначала впечатление как будто странное. Эстетически эти стихи захватывают вас; более того — они захватывают вас и религиозно, глубоко религиозно. В них чувствуется *музыка томления*:

La musica callada
La soledad sonora
La cena que recrea y enamora!

(*Cantico espiritual*).

Безмолвная музыка,
Полное звуков уединение,
Трапеза, которая обновляет и исполняет любви!

Музыка — вернее драма томления и искания и все преодолевающая радость прикосновения к тому, что единственно верно и подлинно и преизбыточествует, и исполнено истинной красоты и может поэтому удовлетворить тоску души: к Божественному.

Образы «Песни Песней», но с еще более подчеркнутой струей тоски и томления, которая не только пронизывает всю драму искания Возлюбленного, но и все картины природы, дышащие какой-то

потусторонней, мистической устремленностью. Какой-то иной мир, более богатый и цветущий, чем знакомый нам, более полновесный, и полнозвучный, и вместе с тем более загадочный, встает перед нами, исполненный неясных шептаний и зовов и напоминая о преизбыточествующей Божественной Полноте.

Y todos cuantos, vagan,
De ti me van mil gracias refiriendo
Y todos mas me llagan,
Y déjame muriendo
Un no sé qué que quedan balbucendo.

И все, кто только встречаются мне,
Говорят мне о бесчисленных потоках Твоей благодати,
И все они только еще больше меня ранят,
И то, что они неясно лепечут, заставляет меня умирать от томления.

Все, что есть в мире прекрасного, захватывающего, умиляющего и умиряющего душу, есть отображение Возлюбленного, есть напоминание о Нем: «Мой Возлюбленный, это — горы», читаем дальше в том же «Cantico espiritual».

Уединенные, поросшие лесами долины,
Таинственные, странные острова,
Звучание рек,
И шепот охваченных любовью ветерков.
Это — тихая ночь
Перед самым восходом зари,
Безмолвная музыка,
Звучное уединение,
Трапеза, что обновляет и исполняет любовью.

Так обращается Возлюбленный ко всей твари:

A las aves ligeras,
Leones, ciervos, gamos saltadores,
Montes, valles, riberas,
Aguas, aires, ardores
Y miedos de las noches veladores.
Por las amenas liras
Y canto de sirenas os conjuro,
Que cesen vuestras iras.
Y no toqueis al muro,
Porque la esposa duerma mas seguro.

Обращаюсь к вам, легкокрылые птицы,
 Львы, олени, скачущие серны,
 Горы, долины и реки,
 Воды, ветры и порывы зноя,
 Заклинаю вас сладостным звуком лир
 И пением сирен —
 Да утихнет вся ваша ярость,
 Не прикасайтесь к стене,
 Чтобы сон Супруги не был нарушен!

Супруга обращается к своему Возлюбленному с такими словами: «Давай услаждаться, о Возлюбленный, и пойдем созерцать Твою красоту — туда к горе и к холму, где вытекает чистый источник, уйдем поглубже в чащу леса...» Это — образ Невыразимого, встречи души с ее Царем и Владыкой. И далее:

El aspirar del aire,
 El canto de la dulce filomena,
 El soto y su donaire
 En la noche serena
 Son llama que consume y no da pena.

Трепет ветерка,
 Пение сладостного соловья,
 Роща и ее очарование,
 В ясную ночь суть пламя,
 Которое сжигает и не причиняет боли.

Но все это, так сказать, вырвано из своего контекста. Дело не в красотах природы, не в красоте вообще, а в том Последнем, Основном и Величайшем, что превосходит всякую красоту, ибо Оно само есть источник всякой красоты и всякой жизни.

Я повторяю: *трепет Невыразимого* пробегает через мистическую поэзию Juan de la Cruz. В этом ее смысл и ее религиозное оправдание; она как бы уязвляет душу, дает почувствовать — хотя бы смутно, хотя бы издали — то, что невыразимо словами.

2

Для Juan de la Cruz характерен образ «темной ночи души» (la noche oscura del alma): должны замолкнуть все чувства, все страсти, все стремления к душевным и даже духовным услаждениям — душа должна предстать как бы обнаженной от всего тварного, в темноте и смиренности, пред лицо Божие.

En una noche oscura
Con ansia de amores inflamada
— Oh dichosa ventura! —
Sali sin ser notada,
Estando ya mi casa sosegada.

В темную ночь,
Пылая жаром любви,
— О счастье, о удача! —
Я вышла из дому, незамеченной,
Когда мой дом был объят уже покоем.

(В темноте, но уверенно,
По потайной лестнице, переодетой
— О счастье, о удача! —
В темноте и тайно (я вышла),
Когда мой дом объят был уже покоем).

Ночь души! Душа чувствует себя такой малой, такой ничтожной, такой ничего не стоящей, лишенной всего, даже своего высшего достоинства — ощущения божественной близости. Она оставлена, или мнит себя оставленной; отмирают в ней ее эгоистическая самоустраемленность, все ее своекорыстие, даже своекорыстные устремления к духовным радостям. Она иссохла как земля безводная, и смиряется в молчании и темноте неведения, под высокую руку Того, кто ее смиряет, она ждет и терпит, и смиряется и уповает. Это все, что ей остается: *уповать* в смирении неведения и оставленности. В своем комментарии к стихам своим о Темной Ночи так пишет Juan de la Cruz: «В этих двух первых строфах изображается плод двоякого очищения духовного: чувственного и духовного состава человека...»

«В первой строфе душа повествует о том способе и том пути, какими она, поскольку это касается ее привязанностей, вышла из себя и из всех вещей, умирая для них и для себя самой, через истинное самоумерщвление, чтобы начать жить жизнь любви, сладостную и утешительную, в Боге. И говорит душа, что это выхождение ее из себя и из всех вещей было Темная Ночь, которая обозначает здесь очистительное созерцание, производящее в душе... отрицание себя самой и всех вещей» *.

Здесь прекращается всякая эстетика, всякая радостная игра образов. «Первое из этих очищений, или Первая Ночь, является горькой

* Трактат: «Noche Oscuro» («Темная Ночь»), Пролог (Prologo) — Книга 1-я, вступление (declaracion).

и страшной для наших чувств... Но Вторая Ночь без всякого сравнения ее превосходит: ибо она ужасающа и устрашающа для самого духа нашего» *. Здесь испытывается верность человека, здесь выковывается его преданность воле Божией, здесь воспитывается и готовится он к более совершенной и чистой любви. Ибо душа, чувствующая и мнящая себя оставленной, на самом деле не оставлена: Он ведет ее в темноте, среди ночи.

«Эта Темная Ночь есть воздействие Бога на душу, очищающее ее от ее неведения и от ее обычных недостатков, природных и духовных. Созерцатели называют это состояние тайно-подаваемым (вливаемым в душу) созерцанием (*contemplacion infusa*) или мистическим богословием, в котором Бог тайно научает душу и ведет ее к совершенству любви (без того, чтобы она сама здесь что-либо делала или даже понимала, как действует в ней это «тайно вливаемое созерцание»)**.

В тишине и смирении и чрез «темноту» этой очистительной Ночи зовет Бог к Себе, более того, ведет к Себе послушную и покорную, предавшуюся Ему душу. Ведет к единению с Собой в любви.

En la noche dichosa
En secreto que nadie me veia,
Ni yo miraba cosa
Sin otra luz y guia
Sino la que en el corazon ardia.

В эту счастливую ночь,
Втайне, так что никто меня не видел
И я не видела ничего,
Без всякого путеводного светоча
Кроме того, что горел в моем сердце,

Aquesta me guiaba,
Mas cierto que la luz del mediodia
A donde me esperaba
Quien yo bien me sabia
En parte donde nadie parecia.

Это он меня вел
Вернее, чем свет полудня,
Туда, где меня ожидал
Тот, Кого я хорошо знала,
В месте, где никого другого не было.

* Книга 1, гл. 8.

** Книга 2, гл. 5-я.

3

Объединение души с Возлюбленным, перерождение души, ее переход от старого к новому, ее новая жизнь, ее прикосновение к Божественной Жизни — об этом, еще в большей степени, чем обо всем предыдущем, можно говорить только намеками, только образами. Значительность образов у *Juan de la Cruz*: в их насыщенности; вернее, за ними ощущаются явления высшего, просветленного, божественного мира. Эти образы «просвечивают», они светятся. О не-сказанном говорить нельзя. Лирически-музыкальный образ поэта-мистика есть та «*musica callada*» — «безмолвная музыка», которая говорит, не говоря, только указуя. «Ибо кто может описать то, что Он дает уразуметь душам, охваченным любовью, в которых Он обитает? И кто сможет выразить словами то, что Он дает им почувствовать? И то, наконец, что Он побуждает их возжелать?»*.

Но вот несколько образов этого единения души с Богом — взятых из двух самых знаменитых лирических поэм *Juan'a*:

Oh noche que guiaste!
 Oh noche amable mas que el alborada!
 Oh noche que juntaste
 Amado con amada,

Amada en el Amado trasformada!
 Quedéme y olvidéme,
 El rostro recliné sobre el amado,
 Cesó todo y dejéme
 Dejando mi cuidado,
 Entre las azucenas olvidado.

О ночь, что вела меня!
 О ночь, более сладостная, чем утренняя заря!
 О ночь, что объединила
 Возлюбленного с возлюбленной,
 Возлюбленной, преображенной в
 Возлюбленного своего!

Я осталась и забылась,
 Лицо свое я склонила к Возлюбленному своему.

* «Porque, quién podrá escribir lo que a las almas amorosas, donde El mora, hace intender? Y quién podrá manifestar con palabras lo que las hace sentir? Y quién, finalmente lo que las hace desear?» — (трактат «Cantico Espiritual», Пролор).

Все прекратилось для меня, и я
сама покинула себя,
Оставив все заботы свои
Забытыми среди поля лилий.

Так это в поэме «Noche Oscura». И в поэме «Cantico Espiritual» мы имеем сходные образы:

En la interior bodega
De mi amado bebi, y cuando salia
Por toda aquesta vega,
Ya casa no sabia
Y el ganado perdi que antes seguia.

Mi alma se ha empleado
Y todo mi caudal en su servicio,
Ya no guardo ganado,
Ni ya tengo otro oficio,
Que ya solo en amar es mi ejercicio.

...dizeis que me he perdido;
Que andando enamorada,
Me hize perdidiza, y fui ganada!

Во внутренней горнице моего Возлюбленного
Я испила от Его вина, и когда я выходила оттуда,
То на всем пространстве этого луга
Я уже ничего не знала,
И я потеряла стадо, которое я стерегла раньше ...

Моя душа посвятила себя,
Равно как и все мое достояние, на служение Ему.
Я уже больше не стерегу стада,
И нет уже у меня других занятий,
Так как вся деятельность моя теперь — только любовь!

Поэтому, если на лугу деревенском
С сегодняшнего дня меня никто не
увидит больше и не найдет,
Скажите, что я затерялась,
Что, исполненная любви, я потеряла себя
И была обретена!

Утрата себя и обретение Бога как Владыки и Господа, или, вернее, обретение души Им и посвящение всей жизни Ему — новая жизнь.

4

Язык лирических поэм Juan de la Cruz полон выразительной краткости и силы.

«Взгляни на подруг той, что увлекаема к далеким, неизвестным, таинственным островам».

...mira las compañas
de la que va por insulas extrañas.

Или вот — душа стремится «к прикосновению Искры, к благоуханному Вину — изливаниям божественного бальзама».

...al toque de centella,
al adobado vine,
emisiones de balsamo divino.

Или душа томится и жаждет увидеть очи Возлюбленного:

Oh cristalina fuente,
Si e esos tus semblan tes plateados
Formases de repente
Los ojos deseados
Que tengo en las eutranas dibujados!

О кристальный источник,
О если бы в твоём серебряном зеркале
Ты мог отобразить внезапно
Желанные очи,
Что начертаны в глубине сердца моего!

Все это красиво, все это чарует, все это захватывает красотой, уносит в глуби томления. Но больше: все это — слабые, смутно ощущаемые намеки (смутно ощущаемые, ибо «мудрость мистическая не требует ясного, теоретического познания себя, чтобы любовью охватить душу» *, намеки на то, что важнее всего.

И в этом — оправдание этой мистической поэзии. Некоторые (или даже, может быть, большинство) из ее читателей будут увлечены поэтической красотой образов и напряженно-вдохновенного языка.

* ...la sabiduria mistica non ha menester distintamente entenderse para hacer efetto de amor y aficion en el alma» («Cantico Espiritual» Prologo).

Но, может быть, через эти образы или даже несмотря на эти образы их неожиданно коснется «жалю» или «острие» любви божественной, или, что то же, томления по ней:

Per que, pues has llagado
A questo corazon, no le sanaste?

Почему, раз Ты уже ранил (любовью) это сердце,
Ты не излечил его?

спрашивает душа.

Мистическая поэзия, мистические писания, говорящие о том, что *гораздо выше нашего уровня* (но и всякого уровня!), говорят, однако, о том, чем мы, даже в нынешнем нашем состоянии, в глубинах наших питаемся и живем. Мы *живем томлением*. Мистические свидетельства избранных и святых душ разжигают в нас — хотя бы на миг, хотя бы чрез призму образов или красоту трепетного, дрожащего слова — это томление по Единственному Источнику Жизни.

5

Мистика Juan'a de la Cruz христоцентрична. Это пробегает красной нитью через всю его жизнь, через все его мистические писания. Христос — источник его жизни, его вдохновения, единый предмет его устремления, его горячей любви, его безмерного жертвенного отдания себя в послушании, смирении и трепете. Он — Владыка его души, его мысли, его воли, всей его духовной жизни. «Живу уже не я, но живет во мне Христос» — эти слова апостола Павла предносятся как высший идеал, как высшая норма и Juan'у de la Cruz. Это, конечно, — основной закон, основная норма всей христианской мистики вообще.

Вся Полнота Божественная раскрыта и раскрывается во Христе. «Я решил ничего не знать, кроме Иисуса Христа, и притом распятого». «Я все почел за сор, чтобы приобрести Христа». И у Juan'a de la Cruz отказ от всего ради Христа, и потом как непосредственно вытекающее отсюда следствие — преображение во Христе всего мира и всей ткани жизненной. И это не только субъективное переживание праведников и мистиков: через подлинное пришествие Христа во плоти потоки благодати действительно вошли в мир, хотя бы в скрытом пока виде:

Mil gracias derramando
Pasò par estos sotos con presure,
Y yendo los mirando,

Con sola su figura
Vestidos los dejo de su hermosura.

Изливая потоки благодати,
Он поспешно прошел по этим рощам,
И, когда, проходя, Он взглянул на них,
То через одно отображение лица Своего
Он оставил их облеченными Своей красотой.

Согласно комментарию Juan'a к этой строфе своей поэмы в словах «Paso con presure» — «Поспешно прошел» — и следующих за ними, указывается и на творение мира Богом и на воплощение Сына Божия. «Одним только отблеском лица Своего Сына Он оставил их облеченными Своей красотой... это произошло, когда Сын Божий сделался человеком, возведя через то человека, а в нем и всю тварь к красоте Божественной».

Если основное содержание мистического опыта Juan'a de la Cruz — устремленность ко Христу и укорененность во Христе и отказ от всего, от всех благ мира и от всех услаждений душевных и даже духовных ради единого Христа и смиренной и трепетной близости к Нему, то одной из форм выражения этой мистики являются образы красоты природной, ощущения «шагов Возлюбленного» в творении. Все отвергается душой, все обесценивается ею, что не есть Он, а потом в Нем и через Него мир опять восстанавливается в своей ценности, или, вернее, во Христе раскрывается начало преображения мира.

